

ЭТНОГРАФИЯ

М. А. Агларов

ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА В ДАГЕСТАНЕ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

(К вопросу о дальних последствиях террасного земледелия)

*(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ.
Проект № 06-06-80-341а.)*

«Даже немногие сохранившиеся письменные свидетельства дают почувствовать поразительную эффективность и живучесть этой веками отшлифованной традиционной системы самоуправления, в основе которой – максимум пользы при минимальной затрате сил и средств, максимум порядка при минимуме должностных лиц и постоянном общественном (то есть джамаатском и тухумном) контроле над ними!».

Расул Магомедов

Экологические факторы, как это хорошо известно, имеют прямое отношение к тем или иным адаптированным к ним культурам. В этом плане феномен террасной культуры, не только как экологический фон, но и как артефакт имел (имеет) уже обратное формообразующее воздействие на носителей этой культуры. Если прибегнуть к образу: горец перестраивал гору, но и эта гора перестраивала сознание и общество самих горцев. Воздействие на общество читается в нескольких направлениях. В части структур местных сообществ – переход от корпоративных, этнически слитных связей к кооперативным формам самоорганизации, то есть к разрыву первичных этнических полей и становлению гражданских общин как основной формы самоуправления. В части общественного сознания – к более индивидуализированному, чем это было бы в корпоративных сообществах, мировосприятию, в материальной культуре – к крайне рациональной организации пространства, включая поселения или архитектуру жилых комплексов.

В истории Дагестана со времен Кавказской Албании до второй половины XIX в. универсальной формой социальной и политической организации его народов являлась гражданская община, обладавшая соответствующей экономической, правовой и политической базой. Такая социальная организация существовала не только в Дагестане. По основным составляющим она имеет прямые аналогии в античной гражданской общине и в нескольких модификациях известна по всему циркумпонтийскому региону.

Хорошо известно, что гражданская община была высшей формой экономического, правового и политического развития (саморазвития) местных сообществ. Таковая складывалась вне государственных образований или на их развалинах, так

как сама по себе гражданская община являлась микрогосударственным образованием. Развитие общин в кратком изложении сводится к следующему. Первичные человеческие сообщества (охотники и собиратели) после «неолитической революции», то есть перехода от присваивающего к производящей форме хозяйства, разделились на родоплеменные коллективы кочевников-скотоводов и соседские общины оседлых земледельцев. Последние в процессе дальнейшего исторического развития в зависимости от форм сложившихся цивилизаций модифицировались в два типа общественной организации. Первый из них – это соседские общины в системе ранних цивилизаций, где политические образования имели общую централизованную и унитарную систему управления. По этому вектору основные права землевладения и функции управления получают государственная администрация и правящий класс (Древний Египет, Китай, Месопотамия, Иран и др.), где локальные сообщества непосредственных производителей превращались в зависимые городские и «земледельческие» общины (Маркс К. С. 462) или, как чаще их называют, крестьянские общины. Само общество или государство в целом здесь построено по пирамидальной схеме: вершина – *власть и управление*, боковые линии – *жречество и чиновничество*, основание пирамиды – *городские низы и крестьянские общины*.

Основой крестьянских общин были совместное поселение, крестьянский труд, коллективная форма землепользования, отсутствие или крайнее ограничение суверенитета в самоуправлении, отсутствие военной организации, социальная, правовая зависимость от высших страт или «высокой общины». Крестьянская община, как уже говорилось, была характерна для развитых государственных образований восточного типа. Она в разных культурах синхронно и в исторической перспективе стадийно имела различные оттенки и формы, но по-сути оставалась производственным и подвластным высшим стратам объединением.

Второй, менее распространенный тип общин (его можно назвать «греко-римским»), сформировался там, где цивилизация сложилась на базе политических образований в форме гражданских общин (Фюстель де Куланж, 1895), то есть полисов.

Становление частной собственности на землю особенно в районах интенсивного *террасирования* или иных интенсивных форм освоения территории было основой развития альтернативных государству (в обычном понимании) самоуправляемых систем местных сообществ – гражданскую общину. Гражданская община (*polis*) основана на полноте прав самоуправления, организации выборной публичной власти и общинного (публичного) права. Экономическая основа общины – это неперемное право граждан на частное землевладение, включая права и на иные формы имущества. Гражданская община также имеет классы, сословия (не обязательное условие), но в отличие от крестьянской она в правовом, политическом и хозяйственном отношениях самодостаточна, что называют автаркией античного полиса. Право имеет ветви: публичное (общинное) право, направленное на обеспечение общинных (общих) интересов, и частное право, направленное на обеспечение интересов каждого гражданина. Здесь место государства (с его пирамидальной вертикалью властью) занимает *гражданская община* (полис), устроенная по схеме прямоугольной конфигурации; публичная власть – переизбираемые правитель – исполнительная власть – сенат – суд – стратег; постоянная константа – военная организация, публика. Важнейшим атрибутом гражданской общины является полный суверенитет на окрестную демаркированную (обозначенную) территорию и на самоуправление. Гражданская община становится обладателем тер-

риторий в той мере, в которой она ограничена договорными актами и признанием со стороны обладателей соседних территорий. Члены гражданской общины, будучи совладельцами общей территории (*ager publicus*), в то же время являются частными собственниками своих домостроений, пахотных участков и других объектов на общей территории. Распоряжение частной собственностью в гражданских общинах, как правило, ограничено специальными постановлениями, если это ограничение не вступало в противоречие с общественными интересами. Горнодагестанские общины в полной мере обладали всеми этими базовыми составляющими. К ним относятся еще: независимость от соседних политических образований или наследственного единовластия; верховенство закона (все члены находятся в границах закона и никто над ним); наличие у общин, а также их союзов территориальных владений; партикулярное правовое обеспечение; военная организация; избираемая публичная власть (правители, исполнительные органы и суд). Перечисленные составляющие органически предполагали права и в то же время обязанности участия каждого члена общины в экономической, политической и правовой сферах на равных и основополагающих условиях. В *экономической* жизни член общины, как собственник своих частных земель, участник коопераций и совладелец общественных земель (территорий), обязан был соблюдать все владельческие законы и установления общины по режиму эксплуатации сельхозокруги. Важнейшие *политические* функции исполняли сами члены общины, без специализированного аппарата управленцев. Малейшая попытка захвата власти и самоуправства пресекалась. Установление и отмена *законов* и иных нравственных норм также были обязанностью и правом одновременно каждого члена общины, что осуществлялось через институты самоуправления.

Ополчение граждан было формой *военной организации* и участие в ней – обязательным условием и одновременно правом члена общины. В тех периферийных общинах (высокогорная часть и удаленные малонаселенные аулы на плоскости), где земельная собственность не была дифференцирована, общинники не были заинтересованы в участии в политической жизни, общество управлялось родовой аристократией. Община же сохраняла анахроничные, застойные структуры и ценности. Такой формат социально политической организации как гражданская община порождает такие свойства как солидарность и лояльность и, в первую очередь, лояльность собственной общине. Каждый член общины идентифицирует себя с ней, как ее часть. Общины стремятся к сепарации и заключают между собой договора по интересам.

Равенство перед законом, обычаями, в человеческом достоинстве, правах и обязанностях или стремление к равенству (необязательно имущественное равенство) – механизм развития и внутреннего совершенства общинных систем. Подобные характеристики не обязательно свойственны только одним гражданским общинам. Они, в усеченном виде могут иметь место и при других системах управления (не обязательно), но настоящие гражданские политии без них не возможны. Иначе, эта та основа, без которой не мыслима «настоящая демократия» (*Gammer, 2004. С.31*). В экономике старинным гражданским общинам характерны стремление к самодостаточности и предпочтение земледельческого труда. В общинах восточных цивилизаций земледелие и земледельческий труд – основное, иногда, единственное занятие членов крестьянских общин. Высшие страты, землевладельцы, или, классы, составляющие государство, не считали земледелие достойным занятием. В гражданских общинах Средиземноморья и Кавказа земледельческий

труд считался наиболее достойным перед другими видами деятельности. Ремесло, торговля, даже скотоводство, при его развитости, не имели престижного преимущества перед земледельческим трудом. Эту особенность гражданских общин, ссылаясь на труды Нибура, подчеркивал К. Маркс: «В древности (античная древность. – Авт.) городское ремесло и торговля считались зазорными занятиями, земледелие же было в большом почете; в средние века наоборот древние единодушно почитали земледелие единственно делом, подобающим для свободного человека» (Маркс К. С. 468).

Гражданская община (джамаат) в Дагестане, как было сказано, вследствие включения в государство (Имамат Шамиля, Российская империя, СССР) девальвировалась в крестьянскую и затем трансформировалась в колхозно-крестьянскую общину новейшего переиздания.

Публичное (общинное) право в форме адатов. В кавказоведческой литературе дагестанские адаты привлекали внимание практически всех исследователей истории культуры региона, в том числе М.М. Ковалевского, который, видя в общине (джамаате) механическое соединение «родовых» общин, т.е., вернее, не видя принципиальной разницы между родом и джамаатом, перекрыл первым второе. Общинное, по своей сути и форме право горцев Дагестана, призванное регулировать сложные общественно-политические структуры, выраженные в виде джамаатов и их союзов, союзов «вольных обществ» (федераций, конфедераций, а также ханств), он квалифицировал как агнатное (родовое) право. В литературу же адаты вошли под расхожим для всех «не государственных» систем права, понятием – «обычное право» (Памятники, 1965). На самом деле по форме и сути адаты, в своей записанной и собранной в кодексы обществ части являлись не «обычным», а публичным или общинным правом¹. Я говорю «в своей записанной части», поскольку адат как таковой простирается на все нормативы, включая от простейших этико-нравственных предписаний до правового регулирования уголовных преступлений и гражданских дел. Арабский термин адат, означающее «обычай», «привычка», получило расширенное содержание и широко распространилось в странах мусульманского мира как обозначение немусульманского (аджамского) права вообще. В дагестанских языках это слово также стало обозначением любого не шариатского закона, то есть в Дагестане понятие «адат» одинаково относилось к принятым законам или соблюдаемым обычаям одинаково. В аварском языке сохранилось древнее обозначение закона – «баль»².

---

¹ Это положение, обоснованное мною ранее (Агларов М.А., 1988. С. 18,155–163), в категорической форме поддержано в работах немецкого востоковеда М. Кемпера, который также считает, что в Дагестане адаты не могут быть квалифицированы как обычное право «customary law», что это общинное (communal law) право Kemper.2005. S. 319–340, 410–413; Communal M. Agreements (ittifaqat) and ‘adat-Books from Daghestani Villages and Confederacies (18th–19th centuries); Der Islam. Bd. 81. S. 115–151; Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Wiesbaden, 2005. S. 319–340, 410–413.

² Борозда во многих культурах почитается как священная, неприступная черта, граница. Любопытно второе значение названия борозды – «баль». Слово «баль» встречается в аварской пословице в контексте: «Хундери́л *Гадат* хвани, Ганда́лазул *баль* холеб» («Когда хунзахский *адат* гибнет и *баль* у андадальцев»).

Таким образом, понятие «адат» в изучаемое время объединял *три категории* из юридического быта, различаемые современной теорией: общинное или публичное право; обычное право; нормативы морально–этического или «бытового» характера. Первая часть, то есть публичное право, выведено в форме статей, которые уложены в кодексах, которые утверждались (принимались) на народных собраниях или представительными органами. Публичное право составлялось по всем правилам соглашений и установлений, затем фиксировалось письменно по пунктам в форме кодексов для каждого общества отдельно и для союзов обществ отдельно. Например, преамбула Гидатлинского кодекса гласит: «Во имя торжества справедливости старейшины Гидатлинского общества согласились на следующее: *«Здесь приводятся обеты и соглашения, состоявшиеся между жителями всех селений Андалальского общества. Или: Жители селений Асуб и Исиниб согласились на отпущение убийце. Если один убьет другого и его наследник прощает убийцу за выкуп, то с него взыскивать тридцать коров».*

Составители кодексов «вольных обществ» и собственно джамаатов выделили для записи самое важное, на их взгляд, отсеяв в большей мере то, что тут названо нормативами «этнографического бытового» характера. Своды судебных кодексов не содержат ни одного пункта, связанного с требованиями нравственных максим («честность» или «бесчестность» преступления), фольклора (мифы, нормы рассказа, пословицы и др.), являющимися неперенными атрибутами обычного права. Практически все пункты имеют *актовый, декларативный* характер и соответствующие композиции. Ответственность целиком и полностью индивидуализирована. Кодифицированная часть адатов сохраняет почти повсеместный атрибут публичного права: родственники выступают в защиту потерпевшего только как соприсягатели (однако иногда встречаются пункты, запрещающие именно родичам выступать в числе соприсягателей). Но родственникам не вменялось в обязанность внесение дията. Право дистанцируется от указаний на источники средств для выплат. Что же касается нарушения простого обычая, то несоблюдение его не имело композиций, ответственность – соответствие или не соответствие морали. Формирование права было публичным. Важнейший источник права – законодательная инициатива, примером которой часто служил прецедент (казуальное право). Несколько примеров: «Цекобцы согласились взыскивать стоимость скота, убитого во время драки из-за общинных земель. Впервые такое взыскание было проведено с Хелекилава Абдулагья»; «с владельца отелившейся вакуфной коровы взыскать масло в тот день, когда старейшины будут раздавать садака. Адат этот впервые начат с Амиралава»; «цекобцы решили приводить к присяге не только вора, но и его соприсягателей, заступившихся за него в сельском суде. Эти присяги впервые были приведены в исполнение тухумом Раджабилал». Тем не менее, казуальность занимала не столь важное место в законодательной инициативе и больше касалась предметной стороны композиций, нежели основы статей.

Адат требовал точных доказательств во многих тяжелых уголовных и нравственных преступлениях, хотя присяга, если преступление не очевидно, оставалась доминирующим следственным аргументом. За исключением привлечения к присяге, адат (судя по дошедшим до нас многочисленным кодексам и постановлениям) не был профессионален и даже не имел такой окрашенности.

Оба значения, возможно, имеют общую этимолого-семантическую подоснову. В аварском языке существует и другой термин для обозначения – «кьоти».

Территории. Каждая община, имевшая статус джамаата имела свою территорию на правах ее собственности. Право суверенного или безусловного владения территорией было одним из важнейших признаков гражданской общины. По этому признаку весь горный Дагестан был разделен на мельчайшую сеть территориальных владений. На Кавказе, она была характерна только Дагестану.

В коллективном сознании право собственности на территорию было совершенно идентично праву частной собственности отдельных членов общества на землю; оба вида собственности складывались из источников, схожих по составу во всех звеньях между собой.

Право обладания территорией община, прежде всего, осознавала как право исконного, (векового) владения (земля предков).

Право первозаимки предками и наследование от них территории, – так сказать, основная фундаментальная линия в представлениях и в коллективном сознании членов или союзов обществ на занимаемую территорию. Вместе с тем, территория продавалась, покупалась, арендовалась, передавалась на условное владение. Документов, соглашений, купчих на эту тему много. К примеру, сохранился акт дарения Гидатлинским союзом части своей территории ратлубцам, принадлежавшим в этническом и политическом отношениях ахвахскому обществу. Земля дарилась на условиях отторжения Ратлуба от Ахваха и вхождения его в Гидатлинское общество, «чтобы объединиться как бы в один джамаат и действовать едино во всех делах, а также распространить действие некоторых гидатлинских адатов на Ратлубское общество» (Гидатлинские адаты, С.9) .

В основном право на суверенное владение территорией складывалось из таких основ как, потомственное владение, первозаимка, купля-продажа, завещание и дарение.

Способы обозначения границ. Граница территории обозначалась специальными опознавательными знаками и только изредка строились невысокие каменные столбы или устанавливались стелы. Наиболее раннее письменное обозначение границы, призванное играть роль юридического документа, содержится в надписи, помещенной перед входом в бывшую соборную мечеть с. Курах. Надпись, составленная в XIV в., гласит: «...Это горы Кураха: от мельницы Хибитара, до загона для скота (принадлежащего) Ругуну, и до Хаджиева камня и до вершины Кула-Кула и до горы Архита и до Хараджинского моста и до Друшдульского тока и до вершины горы Т-р-к-р-кил (вар.: Ц-р-ф-р-кил), не занятой Хбуком. А это горный хребет со стороны юга: от озера Кулан-вир до горы выше Кимихура, и до речки под Титалем и до М-гун-Кура (где) кончается конюшня и начинается Зилинки» (Лавров Л.И., 1966. С. 196).

Рис. 1. Стела XIV в. с описанием границ Курахского общества.

Граница в этом документе обозначена достаточно точно, с указанием названий урочищ, речек и других известных мест. На стеле вырезаны изображения-обереги, назначение которых – магия охраны территории Курахского общества. Установление границ был дву- или многосторонним актом с участием сторон и свидетелей.

Имеются и другие свидетельства письменной традиции обозначения границ, игравшие роль юридических документов, закрепляющие территориальные владения. Устная традиция обозначения границ была более распространенной, в большинстве случаев границы между владениями сельских обществ, обозначенные с чрезвычайной тщательностью с помощью объектов и микротопонимики, не фиксировались в письменных документах, а хранились в преданиях старших поколений – в коллективной памяти.

Охрана границ. Зимний и летний выпас скота требовал строжайшего соблюдения принципа территориальных владений. Частые нарушения, произвольные и непроизвольные, приводили к столь же частым конфликтам, во время которых стороны также обсуждали границы владений между обществами вплоть до последнего камня. Знание границ, слежение и запоминание перемен на этих границах не были делом одних представителей публичной власти. Пределы и границы своей территории должны были знать все. В то же время, члены общества знали все свои обязательства, вытекающие из обладания территорией, что составляло важную, если не важнейшую часть их гражданского мировосприятия. В спорных ситуациях для освидетельствования границ привлекались не все, а лишь отдельные лица, известные не только знанием границ, но и обладавшие безукоризненной

репутацией справедливых и достойных доверия людей. К примеру, по случаю по-травы скотом, принадлежащим хуторянам с. Урада, пастбищ в пограничной местности «Гьину», которую жители с. Мачада считали своей, когда возникла конфликтная ситуация, последовало распоряжение, в котором, в частности, указывалось: «...чтобы (в связи с поправой и конфликтом) оба джамаата послали по два человека для опознания границ».

Экстерриториальность – одно из наиболее выдающихся свойств гражданских общин, была соблюдаема и введена как правовая мера в кодексы джамаатских союзов.

Весьма четко право территориального иммунитета вступало в силу во время взимания ишкиля (право насильственного взимания долга). В «Своде решений, обязательных для андалальского общества», экстерриториальность при ишкиле обеспечивается двумя пунктами: «Если берется ишкиль с гостя и тот, у кого он остановился, находится на своей территории, то с того, кто берет ишкиль, взыскивается 1 бык» (Памятники, .1965. С.63). Если при воровстве и т.п. пришелец должен был покинуть пределы территории, о поступке данного лица извещались власти общества преступника, которые судили его по своим законам. «Ни добро, ни зло нашего джамаата не распространяется на пришельца», – гласит адат общества Урада.

В адатах обществ экстерриториальность частных владений или территории общества получила отражение и в сводах постановлений отдельных союзов. «Если хваршинец убьет в своем обществе человека другого общества, то убийца покупает и передает наследникам убитого саван в три обертка и быка стоимостью 10 рублей и кроме того делается кровником на общем основании». Наложения сверх общих композиций могут быть истолкованы только как наказания за нарушение экстерриториальности. (Памятники. С. 126).

Охрана жизни, имущества и чести лиц, вступивших на чужую территорию, не только была возведена в ранг обязательного правового установления, в этом случае даже несколько усиленного (суперкомпозиции), но служила незыблемым моральным принципом и эта сторона была наиболее надежным щитом, чем декларируемая в кодексах уголовная ответственность.

Частная собственность на землю. В Дагестане в соответствии с формами хозяйства и идеологии сложились три формы собственности на землю: частная, общественная и вакуфная.

По данным посемейной переписи 1886 г., во всех трех аварских округах числилось более 670 тыс. десятин земли, из них в частное владение под пашнями сенокосами и садами находилось более 68 тыс. десятин, а в общинном пользовании – более 600 тыс. десятин, т.е. большая часть земель в виде пастбищ и выгонов находилась во владении общин.

Аграрные отношения хотя и были сложными (многоукладными) из-за разнообразия природно-географических условий, особенностей социально-экономической истории, но с точки зрения права собственности предельно ясными. Пахотная земля по неоспоримому праву частной собственности принадлежала, как уже говорилось, узденству, а в XIX веке и бывшему рабскому и крепостному сословиям после их уравнивания в правах с узденством. В частной собственности находились также сенокосы, частично летние и зимние пастбища (пригревы), но в большей своей части пастбища, сенокосы и пустоши принадлежали общинам; значительная доля земель, особенно горных пастбищ. Часть пахотных земель являлись вакуфным имуществом.

Частную собственность на землю в горных районах Кавказа, особенно в горах Дагестана, исследователи неверно называют трудовой. В Горном Дагестане источниками частной собственности на землю были прежде всего наследование, выдел сыновьям при браке или дочерям в виде приданого, купля-продажа, дарение, долговое возмещение и иные формы благоприобретения. Еще известный дагестанский правовед Мухаммад ибн Муса Кудуки в конце XVII в. оставил фатву (толкование шариатских канонов) о праве земельных владений в Горном Дагестане. Он писал: «Задан вопрос в Машидул Хариме (мечеть в Мекке. – Авт.) Ахмаду ал-Бушбуш из Египта о наших землях, находящихся во владении отдельных людей с правом получения доходов или с правом косить. Так мы нашли эти земли в известное нам время. Что эти земли захвачены с харима (общественные земли. – Авт.) людьми, у нас нет доказательств, и мы не знаем, как человек положил руку на землю. Известно лишь, что эту землю он получил в наследство от отцов или покупкой». Данный вопрос является по сути самым ранним из известных нам описаний поземельных отношений в горах Дагестана. Ибн Муса Кудуки свидетельствует, что ему неведомы иные источники того, как земля оказалась во владении людей, кроме как через наследование и покупку. «Трудовой» принцип становления частной собственности на землю к рассматриваемому времени потерял свое значение, но в теории происхождения частной собственности на землю в Горном Дагестане, в районах полного господства террасной системы земледелия, признано, что частная собственность на землю здесь сформировалась как трудовая еще в древности, в эпоху складывания террасных систем.

Если случалась заимка свободных земель, какого бы характера и размера она ни была, это не давало достаточного основания, чтобы вступить во владельческие права. Относительно «трудового права» на владение имеется еще высказывание Симонова (1874 г.), члена Южнодагестанской сословно-поземельной комиссии. Он писал: «Пользование землею русское правительство застало в стране в следующем виде: каждый отдельный поселянин имеет для посевов отдельные участки земли, добытые трудом и борьбой с природой, называемые мюльками. Мюльки эти расчищены из-под леса, колючек или на плоскости, местами из-под камыша. Мюльки есть и покосные, и с рощами леса, поросшего впоследствии вновь. Всех этих видов мюльки каждый хозяин исконно привык считать своей неприкосновенной собственностью. Мюльки наследуют в роде, продают кому хотят, завещают, в том числе в пользу мечети (имеется в виду вакф), и дают в удовлетворение, как плату по кровомщению. Повсюду такой порядок пользования мюльками, как в селениях узденских, свободных обществ, в бывших подвластных ханам, так равно и в раятских, подвластных бекам. Только в последних, т.е. в бекских, селениях при русском правлении и русскими властями сделаны ограничения в правах продажи мюлька поселянином». Впрочем, сословно-поземельные комиссии по всем округам единодушно утверждали, что «земли пахотные, садовые и огородные, состоящие из отдельных участков, находятся в пользовании отдельных хозяев, как отдельные небольшие рощи, т.е. составляют наследственную собственность каждого хозяина, и наследуются «в роде вообще по шариату. Этими участками, мюльками своими, как свободные поселяне, так и зависимые от беков всегда свободно располагали по своему усмотрению и продавали кому хотели без ограничения и не спрашивали ни у кого на то разрешения». Сословно-поземельная комиссия столкнулась с беспрецедентным в Российской империи фактом частной собственности на землю рядовых членов общин и дала исчерпывающее описание ситуации, но не

назвала собственность частной, а употребила привычное «в пользовании». Таковы же были и предписания¹.

Общественные земли. Территории делились на общественные, частные и вакуфные земли. Как частная, так и общинная собственность на землю составляли в Дагестане две основные и нерасторжимые формы, альтернативные по существу формы дополняли друг друга и одновременно служили источниками для частичных взаимопревращений.

Общинные земли являлись частью территории джамаата и как таковые – достоянием всего сельского общества. Община отдельно или несколько общин совместно владели выгонами, пастбищными землями и частично сенокосами. Эти земли находились под специальной защитой, и все операции, связанные с ними, производились с согласия народного собрания. Важнейшими из операций были взаимные аренды общинами пастбищных земель. Систематическая аренда для выпаса скота излишков пастбищ, вызванная недостатком таковых у иных обществ, являлась одной из распространенных форм. Плата за аренду обычно производилась скотом, а позднее, в XIX в., деньгами. Каждый член общины имел долю в этой части территории, будучи ее совладельцем, но реализовать права на свою долю пастбищ могли лишь скотовладельцы. Бедная часть из членов общин, у кого не было скота, естественно, не могла требовать от общества, чтобы оно разрешило им сдавать в аренду ту часть общинной земли, которая приходилась на их долю. Но они, вполне естественно, имели права на общинные сенокосы в установленном порядке, которые арендовали по спросу.

В некоторых селениях на общих землях (пастбищах) содержались общинные овечьи стада, сформированные из вакуфного имущества. Эти стада («джамааталь-ул ги») содержались со стадами богатых скотовладельцев или специально нанятыми чабанами за плату из общинной казны.

Источники происхождения этой собственности различны. Важнейшими источниками являлись генерализация территорий при объединении мелких населенных пунктов в крупные, а также превращение в общинные тухумных (если таковые были) и феодальных частных угодий. Так, согласно купчей между эндереевским князем Темиром и Чиркеевским обществом, составленной в 1617 г., князь Темир продал обширную территорию (границы указаны) Чиркею, эта сделка обошлась Чиркею в «двадцать думанов русским серебром, две тысячи овец и сто десять быков». По другому документу, в 1863 г. в том же обществе комиссия, состоящая из представителей Чиркея во главе с начальником участка Шейх Мухаммедом, «вышла из селения и поднялась на гору для передачи обществу (во владение. – Авт.) и распределения (для пользования. – Авт.) между нуждающимися 24 пахотных участков, принадлежавших чиркеевским жителям». Большое количество феодальных частных пастбищных земель было передано джамаатам в период мюридизма. Таким образом, общинная земля являлась не только фондом, который «еще не стал частной собственностью отдельных граждан» или феодалов, она часто пополнялась за счет бывших частных земель. Этот фонд пополняется и за счет свободных дарений, которые также происходили часто.

---

¹ «При решении поземельных споров в Дагестане следует иметь речь только о праве пользования, а не о праве собственности». Перечень некоторых распоряжений высшего начальства (Памятники, С. 148).

Таким образом, отторжения, покупка, изъятие как плата за кровь, конфискация (Из закона «проданная чужаку земля становится собственностью Андалальского общества»), в том числе вследствие антифеодальных движений и классовой борьбы, что видно на примерах времени Шамиля, свободное дарение, завещание — все эти источники периодически пополняли фонд общественных земель. Земли были разграничены, и каждая гражданская община ими владела на основе суверенных прав.

Реализация общинной собственности происходила как пастбищная доля. На практике ее имели лишь те, кто владел скотом и прямо пропорционально его количеству. Но на сенокосные доли право имели все полноправные члены общины, и те, у кого не было скота, продавали, меняли свои доли нуждающимся в сене. Общественные сенокосы делили между членами по жребью. По моим записям, сделанным в с. Карата, сенокосы разбивались на четыре части соответственно количеству тухумов в селении. Это тухумы ГЕкьилал, Авдалал, ХЕкьилал, Буралал. При этом тухумы, составлявшие низшее сословие, Дудулал и Оолал, исключались. В тухумах условно уравнивали людей, превращая их перед жеребьевкой в искусственные группировки с равным количеством лиц в каждой. В каждом тухуме покосной землей наделялись все мужчины, от новорожденного до глубокого старца, в равном количестве (женщины не участвовали). Покос сначала делили на четыре равные части, затем эти части снова разбивались на равные доли, число которых соответствовало числу мужчин в каждом тухуме. Затем эти доли распределялись путем жеребьевки. Жеребьевку производили так: записывали на клочках бумаги имена всех пайщиков, сворачивали в трубку, бросали в папаху, потом показывали участок и один из членов назначенной комиссии вытаскивал бумажку, которую разворачивали и громко читали имя пайщика. Бумага была роскошью, поэтому практиковали и иные предметы для жеребьевки, в андийских джамаатах, например, деревянные шарики с залитым во внутрь свинцом.

Джамаат. Арабский термин «джамаат» заменил собой местные названия селений-общин (обществ) – «ши» (дарг.), «росо» (аварс.), «хьур» (лезг.). Джамаат занимал, как правило, одно селение, включая хутора и отселки. Такие плотно заселенные джамааты по размеру и устройству были похожи на средневековые города (людность, крепостная стена, входные ворота, деление на кварталы и т.д.). Иногда (особенно в высокогорной части) джамаат занимал от нескольких до десяти мелких поселений. Например, джамаат Куяда, состоял (и состоит) из 60 хуторов или джамаат Анцросо («десять селений») состоял (и состоит) из 10 поселений, что и отразилось в их названиях. Так арабское слово «джамаат» («группа», «толпа») в дагестанских языках и обрело много значений, отличных от тех, что предлагает арабский словарь. «Джамаат» в дагестанских языках означает: «совет старейшин», «сельское общество» (в социальном, а не поселенческом смысле); «собрание в мечети»; «делегация уполномоченных» в маслаате или в прошениях; «делегация полномочных» для совершения внешних акций (мир, соглашение, переговоры); «делегация уполномоченных» как посредники для примирения кровников или предотвращения возможного конфликта; для решения конфликтов на почве имущественных семейно-брачных отношений, непременно это группа людей, вернее, группа почетных людей, облаченных правами и полномочиями. Среди этих номинаций основное значение слова *джамаат* – это «село» или группа сел, составляющих административную единицу, это «муниципальное образование», как (нелепо) ныне значится в конституции республики. Такое «смешенное» и в этой

плоскости расширенное значение арабского слова джамаат с перемещенным акцентом как на «сообщество людей, облаченных полномочиями», или «субъектами права», является показателем самой ситуации общинного строя в Дагестане, более высокого и, как мы квалифицируем, гражданского уровня.

В российской историко-литературной традиции для обозначения дагестанского джамаата в самом начале было применено понятие «общество», ставшее впоследствии административным его обозначением. «Общество» в узком смысле определяется как «исторически конкретный тип социальной системы, как высшая степень развития живых систем, социальных организаций, институтов и групп». Под понятием «общество» в русском языке подразумевается правоспособность этой организации или сообщества, а в социальном смысле – элитарность, аппозитивная к низшим классам, например, «дворянское общество», «буржуазное общество», «светское общество». Можно говорить о городской общине, но в целом о «городском обществе» – нет. Общество это корпорация по интересам, а не по родству, или местожительству и т. д. Но так сложилось, что в Дагестане и частью на Северном Кавказе сельские общины были квалифицированы как *общества* не только в публицистике. Во второй половине XIX в. они были наименованы официально как низшие административные единицы в схеме: «*сельское общество – наибство – округ – область*». Крупные общины, которые мы называем урбанизированными, по своей структуре, и как выясняется, по топографии их поселений сближаются с городским (средневековым) членением. Они имели сеть соподчиненных общине кварталов с ограниченной автономией внутриквартального самоуправления, с правом на представительства в общинном управлении, со своими хозяйственными объектами (ток, печь, мельница, иногда водоем), культовыми сооружениями (мечети, молитвенные дома), годеканом – местом заседания старейшин. Небольшие села имели свои концы – стороны, которые назывались верхней, нижней сторонами или по имени владельца каких-либо домов на тех или иных концах.

Джамаат имел не только пространственное деление на кварталы и т.д., но важнейшей его структурой была социальная единица – *тухум*. Каждый джамаат в Дагестане разделялся на несколько (от 3 до 10–12) социумов или коллективов фамильного типа, строго ведущих счет только по отцовской линии, что и называлось *тухумом*. В некоторых случаях *тухум* занимали отдельные кварталы, но чаще *тухумы* располагались в аулах смешанно. Помимо родственников в *тухумы* включались и посторонние на основании специальных решений. В некоторых случаях *тухумы* создавались на родственной основе решением джамаатов, уравнивая в каждом из них людей. Например, в истории с. Чиркей сказано: «Люди которые пришли к Муса и Хизри (основатели с. Чиркей), когда их стало много, для удобства в делах и порядка были разделены на шесть частей, из каждой части сделали *тухумы*¹».

Деление на родственно-социальные партии в самоуправляемом гражданском джамаате, наряду с кварталным делением аула является важнейшей социоструктурной чертой гражданской общины. «Невозможно окажется создание полиса – писал Аристотель, – без деления и обособления входящих в его состав элементов – либо при помощи сиситий, либо при помощи фратрий и фил». Дагестанский джамаат также обособлял структурные элементы как *тухумы* и кварталы для

---

¹ «Тухум» на санскрите, как и на иранском, обозначает «семья». У народов Дагестана наряду с привнесенным иранским «тухум» были собственные термины: у аварцев – *къибил* (буквально «корень»), *джинс* у даргинцев и т.д.

управления: из каждого тухума выдвигались старейшины и кандидаты на правителя бегавула. Тухум имел также исполнительно-принудительную функцию относительно решений джамаата и нес круговую ответственность в уголовном или в гражданском иске. Например, согласно закону, если родственники убитого заявят, что он убит безвинно, то следует им предложить, чтобы они присягой 15 сородичей подтвердили свое заявление или закон. По делу о поджоге мулька 15 соприсягателей из тухума обвиняемого или сородичи «должны быть исключены из соприсягателей» и т.д. Сами тухумы также делились на меньшие социумы или фамилии, что так же служило механизмом внутриобщинной регуляции хозяйственной, общественной и политической жизни. Родственные деления перекрещивались с квартальным делением что уравнивал позиции общественных группировок.

Народное собрание. Верховным законодательным органом было Народное собрание которое созывалось ежегодно (в дни проведения праздника первой борозды) для решения важнейших дел и обсуждения вопросов, накопившихся за год. На ежегодных собраниях выбирали правителей и судей. Внеочередные собрания созывались только в чрезвычайных ситуациях. На собрание джамаата допускались все полноправные члены общины, каковыми считались только мужчины. Пришельцы, гости, зависимые и др. могли только присутствовать на нем. На собрание полагалось являться без оружия, вели собрание авторитетные люди из числа старейшин. Решение принимали большинством. Принятые адаты или иные решения записывались, но не всегда. Голосовали открыто, поднятием указательного пальца правой руки. В некоторых местах не согласные просто уходили с собрания. На собраниях ценили красноречие, ясность, четкость и убедительность речи оратора, иначе ему трудно было совладать с аудиторией. Поэтому те или иные предложения, подготовленные заранее, для публичного озвучивания поручали известным лицам. Народные собрания утверждали заранее решение дела на совете старейшин и собраниях представителей тухумов и старшин. В преамбуле гидатлинских адатов сказано: «старейшины Гидатлинского общества согласились ради торжества справедливости принять следующее...» (Гидатлинские адаты. 1.5). Между тем Народные Собрания созывались спорадически, когда возникала необходимость. Мы имеем свидетельство Келебского свода на эту тему: «Если сельские исполнители не соберут старейшин или целое селение, то с них взыскивается одна овца» (Памятники, С.75). Тем не менее, собрания отличались дисциплиной, ведущий собрания всегда мог остановить дебаты и руководить ходом обсуждения. Дисциплина на собраниях была отмечена еще Н.Вороновым, который неоднократно наблюдал работу собраний, и заключил, что «эта дисциплина есть плод стародавности дагестанского склада жизни» (Воронов Н., 1870. С. 20). Народное собрание как высший законодательный орган исполнял свою роль до окончательного присоединения Дагестана к России, и во второй половине XIX в. его статус низводится до совещательной сходки – вся власть перешла в руки назначенных властью старшин. Здесь: собрания «при решении дел магальных», имеют в виду народные собрания вольных обществ, а сборы со всего округа – собрание жителей Акуша-Дарго, т.е. всего союза вольных обществ. Большое место собрания, как высшего органа, и ограничение им как сроков, так и власти правителей – наиболее характерная черта общественного строя, сложившегося на античной форме земельной собственности, ни один из собственников и совладельцев не хотел бы быть в стороне, в силу вступает феномен «власти – собственности».

Совет старейшин. Совет старейшин представлял Народное собрание. От имени народного собрания постоянные органы, среди которых особое место занимал Совет старейшин, т.е. определенный круг представителей мужчин со всех тухумов и их подразделений. Они носили звание *джамаатчи*, а сам орган – название *джамаат*, т.е. также называли как все сельское общество, которое они представляли. Никто из *джамаатчи* не мог быть моложе 40–50 лет. В этом возрасте отдельные лица с каждого тухума или его подразделений призывались в круг старейших. Выход из круга осуществлялся формальным самоотречением (неявка на место заседания). Обычные мотивы выхода из совета: достижение слишком преклонного возраста, или снижение по старости интеллектуальных возможностей, болезни, религиозное отречение от мирских дел; наличие в составе старейшин близких, более подходящих родичей. Но этот «самоотсев» был еще управляем. Не допускались в число членов старейшин люди зависимого сословия до уравнивания последних в правах (XIX в.); люди, опороченные каким-либо личным поступком или неадекватной реакцией на поступки в поведенческом плане; абстракционисты, малокоммуникабельные и неспособные к общественной деятельности в силу умственной отсталости или иной, чем принято в обществе, ценностной ориентации; чужаки, (не граждане данной общины). Отбор этих лиц происходил естественно – внутри состава старейшин царил такая атмосфера, что любой, кто не соответствовал ей, самоустраивался, случалось и так, что им указывали на свое место, т.е. на дверь. Таким образом, число старейшин было совершенно неопределенно, и целиком Совет старейшин имел представительный характер. Этот представительный совет или нечто вроде сената на один год назначал группу правителей *чух/би* и судей *диван* – два независимых друг от друга органа: самостоятельно выдвигался предводитель, ведающий военными делами. Совет же назначал и казначея. Это были основные «ведомства» общинного самоуправления. Совет старейшин имел практически все верховные полномочия и заменял собой народное собрание, которое созывалось для решения особо важных дел.

В политических образованиях феодального типа (ханства, уцмийства и др.). Совет старейшин был оттеснен на роль «местного органа самоуправления», но всегда сохранял за собой функции самого авторитетного учреждения во время разбирательства конфликтных ситуаций (кровных тяжб), при апелляции лиц или тухумов с просьбой их присоединения к тухумам или обществам или установления установления мира и *маслаата*, по территориальным конфликтам и т.д. Безусловно, что Совет старейшин вырос из древних потестарных форм, известных в общей этнографии как геронтократия, как, впрочем, и сенат в античной гражданской общине.

Суд. Второй ветвью верховной власти был суд. Суд формировали из состава правителей и *джамаата*, которые составляли *диван*, орган суда. Например, в обществах, входящих в политическое образование, с большей централизацией власти, например, Джаро-Белоканский и Салатавский союзы обществ, сельских судей назначали старейшины всего политического образования. Старейшины всего союза назначали сельских судей на один год, они подвергали намеченных на должность сельских судей присяге. Сохранился замечательный текст присяги, записанный в кодексе *адатов*. Там говорится, что суды обязательно будут взыскивать штрафы с тех людей, которые провинились и, что не будут подвергать штрафу невиновных, и что не отступят от написанного на этой бумаге закона. Если кто из сельских судей не захочет дать присяги, то его из списка следует вычеркнуть и взыскать с не-

го одну овцу, а на его место назначить другого. Если остальные члены сельского суда допустят в свою среду человека, не давшего присягу, то с них надлежит взыскать одну овцу» (Памятники. С.267). Приведение судей, как и правителей, к присяге – примечательный порядок, свидетельство об исключительном значении, которое придавалось судопроизводству. Каждый джамаат, каждый союз джамаатов или союз союзов имел своего кадия, которого выбирали на народном собрании. Их выбирали как судей по шариату, в некоторых местах, в Андалальском вольном обществе, например, – из одного и того же села и даже тухума, как и в Акушах. Однако усиление кадиев было не повсеместно. Кадии в основном ограничивали свои функции шариатским судом. В отдельных аулах эту роль на себя брали муллы, о чем свидетельствует ряд записей в адатах. Пластичная взаимодополняемость органов управления и суда, хотя и четко разграниченных в функциях, – одна из характерных черт упрощенных форм правления, свойственных независимым общинам с раздельной собственностью его членов на основе средств производства.

Исполнительная власть. Следующий постоянно действующий, исполнительный орган – это правитель, который избирается народными собраниями или назначается Советом старейшин. Управление общиной осуществлялось выборными на год правителями, называемыми в Аварии *чухIби*, у даргинцев – *холоте* или *карты*, у кумыков – *бегавул*, в Дербенте – *раисы*, у народов Южного Дагестана – *кевха*, у андийцев – *гылатаб*, *хан*, у богулал – *адилал* и т.д., обозначений много. В джамаатах Салатавского союза, согласно источнику, выбранный старейшина остается в этой же должности, пока пожелает сам или общество само заменит его другим. Это не касалось Чиркея и Чирюрта, где старшины избирались ежегодно, по одному из каждого тухума и приводились к присяге в том, что они беспристрастно будут исполнять свои обязанности. И хотя большая часть их оставалась в этой обязанности в продолжение нескольких лет сряду, но не иначе как по ежегодным выборам общества. В Чохе, например, было шесть приводимых к присяге и переизбираемых ежегодно правителя, соответственно шести кварталам аула. Чохцы в 1810 г. пишут в Тифлис к ген. Торماسову следующее: «...этот Муххамед-кази, который придет к вашему двору с намерением оказывать вам услуги, есть один из шести наших почетных старшин». Численный состав *чухIби* определялся однако не единственно кварталами, сюда могли войти и по одному представителю от тухума. Например, в Кубачинской общине количество старшин определялось 12 мест, по другому источнику – семь, а в Джарском – 30 человек. В Башлинском джамаате – 6, в Уркарахе – 12 и т.д. В акушинских селах по 4 места, и в ауле одно место на кадия, независимо от квартала или величины аула. В Акуша-Дарго организация власти, как в аулах (отдельных джамаатах) в вольных обществах или в общем союзе вольных обществ носила наиболее упорядоченный характер, откуда и само название Акуша-Дарго, (тюрк. – «дорга, дугри») что значит «Акуша–Справедливый». Обилие заимствованных тюркских и семитских терминов не означает, что заимствована сама политическая культура, которая на Восточном Кавказе и в Дагестане имела свою социо-политическую базу как гражданская община и, если сказать приближенно «византийская форма» феодализма. Вместе с тем обилие тюркско-хазарских обозначений должностей свидетельство о близких контактах между народами и влияние степного мира на горы.

Организация власти в общине не была застывшей, происходили совершенствование, модификация системы. Например, в крупном джамаате Мекеги для выбора правителя выставляли одиннадцать кандидатур, каждую из отдельного деле-

ния. Перед мечетью в день выборов устанавливали одиннадцать именных глубоких кувшинов, куда избиратель опускал врученный членом комиссии камешек. Этот избиратель свою руку, зажатую в кулак, опускал во все кувшины и в одном из них оставлял камешек, чтобы обеспечить тайну голосования. Правителем из одиннадцати претендентов становился тот, в чьем кувшине находили наибольшее количество камешков¹. С большими подробностями эту процедуру описал Р.М. Магомедов, что ниже излагаю без сокращений. «На сельской площади под наблюдением комиссии контролеров и с участием стариков выделялись 11 кувшинов (по числу кварталов), на каждом писалось имя кандидата. Предварительно на глазах у всех переворачивали вверх дном и трясли, чтобы всем было ясно, что они пусты. Мангуш собирал избирателей традиционным возгласом: «У кого есть холамурч (палка погонять быков) – собирайтесь!» Таким образом, владение пашней и гражданские права как бы обуславливали друг друга: неполноправных землевладельцев в Мекеги не было. Затем избиратели цепочкой проходили мимо ряда кувшинов, квартальные представители читали вслух для неграмотных написанные на кувшинах имена кандидатов. Подходя к кувшину каждый показывал всем пустую ладонь, после этого он получал от стариков особого вида камешек, брал его двумя пальцами, показывая собравшимся. Затем, проходя мимо кувшинов он должен был поочередно опустить руку в каждый из кувшинов. Внутри кувшина с именем его избранника он незаметно разжимал руку. Вынув руку из последнего кувшина, он вновь показывал комиссии пустую ладонь – выбор совершен. Непрерывная череда людей двигалась быстро – и вскоре комиссия могла подсчитать камешки бюллетени, а затем возглашали имя избранного главным старейшиной села» (Магомедов Р.М. С. 345–346.) Правителя выбирали и приводили к присяге.

Мангуш. Весьма интересной фигурой в политической культуре народов Дагестана являлся *мангуш* – глашатай, вестник (тюрк.). Мангуш объявлял решения правителей и Совета старейшин народу, предупреждал наступление сроков сельскохозяйственных работ и обязанностей членов общины в этой связи, созывал народные собрания и старейшин и т.д. Относительно Кайтагского уцмийства также говорится, что Башлы и Кубачи (наиболее автономные общины городского типа) «имели у себя особых мангушей, обязанностью мангушей было созывать народ на общественные места, взыскивать штрафы и исполнять приказания старшин; в случае надобности они объезжали по деревням магала и объявляли народу, чтобы он собрался в такой-то день и на такое-то место» и т.д. Мангуш также свободно распоряжался исполнителями. Мангушу люди в первую очередь высказывали свое отношение к тому или иному решению, он больше всего был информирован об общественном мнении, которое высказывал правителям и старейшинам. Эта посредническая роль и большая связь с народом делали мангуша заметной фигурой в Дагестанском обществе. Из скудных сведений о мангуше, посредническая роль мангуша между народом и властью видна в описании Акушинского союза вольных обществ: «мангуш, – говорится здесь, – выбирался также, как кадий или карты» (исполнители назначались Советом старейшин), что уже ставит его в ранг избранника и обеспечивает неприкосновенность как таковому. О нем говорится: «в Акуше был один мангуш, он один имел право передавать все распоряжения картов и кадия народу,

---

¹ Эту информацию о тайном голосовании в Мекеги я получил от известного историка-краеведа мекегинца Хасбулатова Асланбега 1986 г. См.: Местное самоуправление: традиции и новации. Дагестанская Правда. 1995. 26 августа.

а также, если карты задумывали что-нибудь новое или решали важный вопрос и хотели знать мнение народа на их решение или же отмену такого. При взыскивании с кого-нибудь большого штрафа вместе с несколькими *барлулес* (исполнители. – Авт.) посылался непременно «мангуш» (соблюдение законности правила взимания штрафов, недопущение насилия и т.д.).

Исполнители, именовавшиеся как «*Гел, тулгуки, чильми, барлусес, доргъ-ахъол, чоуш* и др.(в разных языках по-разному, но все названия тюркского происхождения), были важнейшей частью органов управления, то есть силой принуждения. Русские источники называют их как полицаи, есаулы, инспектора, исполнители, рассыльные и т.д. Исполнители являлись полицейскими, силой принуждения, они в большинстве обществах были не избираемы, а назначаемы Советом старейшин и/или Народным собранием. Однако исполнители (я так буду в дальнейшем их называть), имел лишь ограниченную актовую функцию. Общественное мнение играло не меньшую «исполнительную» функцию, подвергая провинившихся осмеянию, а то и остракизму. Вся, так сказать, черная работа осуществлялась исполнителями. На роль исполнителей приглашали чужаков или из своих низших сословий. Представители «хороших» фамилий или даже обедневшие уздены не шли на эту работу, предпочитая порою быть избитыми во время взимания с них штрафа исполнителями, чем исполнять эту обязанность. Исполнители же были ограждены законом и могли применять силу, но в известных пределах. Количество исполнителей в различных джамаатах и обществах было различно и соответствовало народонаселению и традиции. В распоряжении Джаро-Белоканских старшин было 60 конных есаулов. В Ахтах зато только два чоуша, по одному для каждой стороны, а также для управления всеми 11 селами, «так как во всех селениях 1-го участка Самурской провинции не было ни аксакалов, ни чоушей, то чоуши ахтынские в случае надобности посылались в селения того участка, которым во всех отношениях управляли ахтынские аксакалы» – говорится в источниках. В Башлы было 60 тулгаков, из них 20 человек находились в Башлы, остальные тридцать «назначались поочередно с каждого магала деревни» – имеется в виду вся округа, управляемая Башлами. В Утамыше – 40, в Кубачах – 24, в Уркарахе – 60. Оплачиваемая должность исполнителей предоставлялась посторонним или представителям других, не равноправных сословий. Впрочем они наказывались если оказывали сопротивление исполнителям при исполнении ими. Исполнителям, как и всем властям, был обеспечен иммунитет – но в известных пределах. Например, полицейский мог наносить удары при сопротивлении во время взимания штрафа, но если штрафник получал рану, то она не должна была доходить до кости. Иначе исполнитель тоже наказывался. Они также не были ограждены, как старшины и мангуши от ишкиля. Уздены предпочитали быть избитыми полицейскими, чем исполнять обязанности последних. Исполнители получали вознаграждение от штрафов ими взимаемых, но в твердом порядке, присвоение штрафного имущества как исполнителями, так и старшинами преследовалось: «если старейшины (правители? – Авт.) присвоили штрафное имущество, то с каждого, кто присвоил, взыскивается штраф в размере одной овцы», – говорится в своде законов.

Итак, в данной статье отражены самые общие места, характеризующие основы основ политического устройства горцев в старом Дагестане, с заключением, что гражданская община в XVII – нач. XIX в. была самостоятельной и универсальной формой социальной организации и политического устройства горцев Да-

гестана. Здесь конспективно дан образ горнодагестанской общины, поразительно совпадающий с социально политическим и экономическим устройством античного полиса, то есть гражданской общины. Мой оппонент при защите докторской в МГУ в 1987 г., профессор А.В. Гадло по этому отметил: «поражает воображение близость параллелей между горнодагестанской общиной и античным полисом». Сейчас спустя 20 лет часть ученых кавказоведов все чаще признают гражданскую общину как универсальную форму общественно-политического строя горцев Дагестана до его присоединения к России. И некоторые из них, не будучи детально знакомы с историей зарождения развития идеи о гражданской общине, приписывают ее моему преподавателю, блестящему античнику В.П. Дзагуровой. Считаю необходимым дать разъяснения.

Эксклюзивный параграф или пояснение к авторской концепции о гражданской общине в старом Дагестане. В самом начале хочу отметить, что я высоко чту память В.П. Дзагуровой, которая еще в студенческие годы, включив меня в разные научные проекты и, затем, дав мне рекомендацию в аспирантуру по специальности кавказоведение, определила мою профессиональную судьбу.

Вера Павловна внимательно следила за тем немногим, что мне удавалось сделать в науке. Только чувство справедливости, что достойно ее памяти, побудило меня дать эту небольшую справку касательно приоритета концепции о гражданской общине в старом Дагестане, что категорически отрицала, В.П. Дзагурова. А между тем, некоторые авторы, видимо по незнанию, приписывают этот тезис В.П. Дзагуровой, против которого она выступала. Впервые в кавказоведении о гражданской природе дагестанских независимых общин и их союзов, говорилось в моей плановой работе 1965 года, которая позднее частью вошла в тематический сборник, изданный в 1971 году в Москве (Современная культура. 1971). Из этой работы раздел, касавшийся традиционной части общественного быта, не уведомляя автора, был изъят редакторами, но он в полном объеме остался на хранении в Рукописном Фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Там говорится дословно: «...общественные отношения в Дагестане представляют несколько своеобразную ситуацию и требуют соответственно несколько отличной оценки. В первую очередь, обращает на себя внимание развитость *гражданской общины*, в иных случаях превращающие отдельные аулы в своего рода города-государства. Таковы Кубачи, Годобери, Чиркей, Ахты...в этих пунктах мы находим институты в полной мере отражающие отношения собственности, сложившиеся на основе безраздельной частной собственности на основные средства. В третьих, дагестанская община нам дает *гражданскую политическую организацию*» (Агларов. Л. 34, 35). Гражданская община, как это известно, то же что полис в античном мире¹. В тезисном порядке, эти и другие положения были изложены на нескольких страницах той же работы. Там же я критиковал устоявшиеся воззрения на уровень развития общественного строя горцев как непродуктивные и, как показало время, – тупиковые. Названная часть моей работы не была допущена в печать. Сознывая, что высший тип общины это гражданская община, каковыми совершенно очевидно являлись дагестанские джамааты, само собой напрашивалось

---

¹ В мировой литературе по отношению к греческой общине оба названия «полис» и «гражданская община» применяются как синонимы, как назвал, например, свою книгу Фюстель де Куланж еще в середине XIX в. (Русское издание: *Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община*. М., 1895)

их сравнение с античными образцами, что и было сделано в докладе сделанном в 1971 году в венгерском городе Сегеде. В кратком резюме доклада говорится «...мы пытались объяснить эту этническую дифференциацию (согласно теме доклада имелась этнолингвистическая ситуация в Аварии) существованием здесь (то есть в Дагестане) изолированных социально-политических сообществ – *полисов* и их федераций»¹. Вера Павловна спустя девять лет написала замечательную для тех времен статью. Статья была целиком посвящена сопоставлению земельных отношений в дагестанских союзах сельских общинах и античном мире. Она совершенно справедливо полагала, что земельные отношения в дагестанских джамаатах соответствовали античной форме земельных отношений. В то же время, (видимо, анонимно полемизируя со мной) решительно отрицала гражданскую, то есть полисную природу горнодагестанской общины и писала: «Конечно мы далеки от мысли, перенести категорию полиса (то есть гражданской общины. – Авт.) на общества Дагестана, полисный строй является специфической формой рабовладельческого общества» (*Дзагурова В.П.*, 1974. С. 86.). Заметьте, она пишет: «далеки от мысли». Тем не менее, ее анализ земельных отношений, проведенный в статье, подтверждал гражданскую природу горнодагестанских обществ о чем я докладывал и писал ранее. Доказательства тому, что дагестанские общества-джамааты в своем классическом виде как *гражданские общины* повторяют схемы античных полисов, снова были приведены в моем докладе сделанном в Институте этнографии ВАН, в 1980 г. в Будапеште. Почему я делал доклады и публикации на эту тему за границей понятно, я не мог надеяться быть услышанным и опубликованным у себя. Первая же попытка в этом направлении была, как говорилось вначале, прервана в 1965 году. К концу 80-х годов стало возможно, и, тут же последовала цепь моих публикаций и докладов, где не только утверждалось, но и на академическом уровне доказывалось, что горнодагестанская община, то есть джамаат в главных ее составляющих имеют прямые аналогии в античных социально – политических формированиях. Этот тезис был центральным положением моей докторской диссертации, обсужденной в отделе этнографии ИИЯЛ Даг.ФАН СССР в 1984 г., с рецензией В.П. Дзагуровой и защищенной в Москве (МГУ), увы, только 1987 г. Естественно, тезис о гражданской общине, закрепляемый материалами и теорией присутствует во многих моих публичных выступлениях и изданиях (*Агларов М.А.*, 1965; 1978; 1988; 2006, 2007) Гражданский (полисный) уровень старинных форм дагестанских политических образований, находит поддержку у многих современных политантропологов и кавказоведов (*Gammer M.*, 2004; *Коротяев А.В.*, 1995.С. 77–90, и др.)².

Таким образом, речь идет о сугубо авторской концепции, основу которой была заложена и развиваема мной, как видит читатель, еще с середины 60-х годов.

---

¹ «Nous avons tenté d'expliquer cette différenciation ethnique par l'existence d'unités isolées politiques et sociales – les sociétés et les *polis* – et de leurs fédérations. Ces unités endogames, souveraines du point de vue politique, fonctionnaient sur le même territoire comme un système social et politique» (*Агларов*, 1972. С. 151, 152).

² Георгий Дерлугян, один из известных политологов пишет: «Дагестанский джамаат это типичная форма демократических социальных организмов, образцы которых находим в горных районах Средиземноморья, где греческий полис был исключительным примером. Систематическое сопоставление дагестанского джамаата с классическим полисом. См. Агларов М.А., 1988 и др.

В.П. Дзагурова, как видит читатель, уже многие годы спустя сделала идентификацию экономических категорий сравниваемых мной моделей, объективно поддержала новую концепцию. Как это часто случается, мои коллеги в своих комментариях и в ссылочных сносках, касающихся полисной, то есть гражданской природы горнодагестанских общин, разделяя эту точку зрения или нет, отдают приоритет, по не ведению, разумеется, В.П. Дзагуровой, открытым текстом отрицавшей мои сопоставления. Как говорит мой друг Магомед-Салам: «если слышишь звон, надо знать откуда исходит он».

БИБЛИОГРАФИЯ

Агларов М., 1965. Общественный быт народов Дагестана и его преобразование за годы социалистического строительства // РФ ИИАЭ, ф. 3. оп. 3.

Агларов М.А., 1987. Этнокультурные процессы в условиях множественности политических структур в Дагестане (до XX вв.) // Сов. этнография № 4, 1987; Ethno genesis in terms of poly-structural (federal) political layout in Daghestan // М. Nauka, 1988; Ethnogenesis in the condition of a poly-structural (federal) political form in Daghestan // Collegium Anthropologicum.v.12. Zagreb, 1988; Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX вв. Москва, Наука. 1988; Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане. Махачкала 1998; Гражданская община как универсальная форма общественно-политического устройства в Дагестане XVII – нач. XIX века // Словесная культура Дагестана. Махачкала, 2006.

Адаты Келебских селений // Памятники обычного права Дагестана М., 1965.

Адаты Тиндинского наибства Хваршинского общества 1965 // Памятники обычного права Дагестана. М., 1965.

Воронов Н. Из путешествия по Дагестану. ССКГ.В. 111 . 1870.

Дзагурова В.П., 1974. Еще раз о союзах сельских обществ // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Вып. 1.

Кортаев А.В., 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы // Альтернативные пути ранней государственности. Владивосток.

Лавров Л.И., 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч 1. М.

Магомедов Р.М., 1999. Даргинцы. Махачкала.

Магомедов Р.М., 2001. Единство народов – великое благо Дагестана. Махачкала.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I.

Памятники обычного права Дагестана. М., 1965.

Сб. статей «Современная культура и быт народов Дагестана». М., 1971 / Под редакцией С.Ш. Гаджиевой (ответственный редактор), Г.Д. Даниялова, Х.О. Хашаева. С. 413.

Gammer Moshe. 2004. Elements of Democracy in Daghestan on the Eve of the Russian Conquest // Democracy and Pluralism in Muslim Eurasia. London.

Georgi M. Derluguian. Che Guevaras in Turbans // http://ahren.info/texts/derluguian_ches_in_turban.htm и др.

Kemper M., 2005. Communal Agreements (ittifaqat) and ‘adat-Books from Daghestani Villages and Confederacies (18th–19th Centuries) // Der Islam. Bd. 81. Его же. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Wiesbaden. S. 319–340, 410.